

189

Переводы Д. С. Мережковского (в издании товарищества «Знание». С.- Пб. Невский, 92). 1) **Эсхил. Скван-ный Прометей**. С портретом (!) Эсхила. Изд. 3-е. 1907. С.- Пб. Стр. 47. Цена 30 коп. 2) **Софокл. Эдип-царь**. С портретом (?) Софокла. Изд. 3-е. С.- Пб. 1907. Цена 40 коп. Стр. 74. 3) **Эдип в Колоне**. Изд. второе. Стр. 87. С.- Пб. 1900. Цена 40 коп. 4) **Антигона**. Изд. третье. 1906. С.- Пб. Стр. 63. Цена 40 коп. 5) **Эврипид. Медея**. С портретом Эврипида. Изд. второе. С.- Пб. 1904. Стр. 62. Цена 40 коп. 6) **Ипполит**. Изд. второе. 1904. С.- Пб. Стр. 66. Цена 40 коп.¹

Переводы г. Мережковского хорошо известны читающей публике: некоторые из них, например, Прометей и Антигона, были когда-то напечатаны в «Вестнике Европы»². Легкий стих, отличный литературный язык, местами чувствительность и искреннее одушевление, — все эти качества переводов г. Мережковского давно оценены. Но чего ему безусловно недостает — это изучения подлинников.

Слабее всех, по-моему, перевод Прометея. Текст Эсхила нельзя прямо переводить: его надо изучать (см<отри> стр. 1, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25)³, и это переводчиком сделано не было. И перевод Прометея я рекомендовать бы особому вниманию гимназий не решился.

Дело в том, что вообще переводы классических произведений античности нельзя рассматривать как другие переводы, хотя бы и тоже выдающихся произведений художественной литературы. Традиция школ всего мира видит в них образцы, и к осторожному обращению с ними, в подлиннике ли, или в переводах, педагогов обязывает уже одно это⁴.

Лучше, по-моему, перевод Софокла⁵ (см<отри> также стр. Антиг<оны> 1, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 37, 38, 39; Эдип-царь 16, 38, 39, 40, 43, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 64; Эдип в Колоне 41, 34 et passim безусловно самый лучший перевод). В гимназиях наших эти переводы распространены и часто рекомендуются учащимся.

Перевод «Ипполита» был когда-то подробно разобран мною (в первый год существования «Филологического Обозрения», т<о> е<сть> лет 14 назад)⁶. К сожалению, в новом издании не исправлены ни одна из явных неправильностей и неточностей работы⁷. Будучи сам автором стихотворных переводов и «Ипполита», и «Медеи», которые были в свое время напечатаны в *Журнале Министерства*

Народного Просвещения, а теперь вышли отдельной книгой⁸, я боюсь придать теперь моему разбору несколько субъективный характер, ибо этот разбор был бы лишь сравнением данного перевода с моим, который и определяет меру моего понимания еврипидовского текста.

И потому, не давая вывода, я позволил себе лишь, взяв несколько мест на выбор, сравнить их с текстом.

«Медея» (стр. 1, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 39)⁹.

«Ипполит» (стр. 7, 9, 18, 19, 22, 33, 41, 43, 51)¹⁰.

В общем «Ипполит» переведен несколько внимательнее.

¹ Автограф рецензии не разыскан. Печатается по тексту машинописной копии доклада, сохранившейся в РГИА (Ф. 733. Оп. 196. № 178. Л. 154 – 155). Большая часть рецензии, содержащая характеристику переводов из Эсхила и Софокла, а также общие суждения о переводах из Еврипида, была опубликована вместе с отзывом И. Холодняка о переводах Мережковского еврипидовских трагедий, в котором были даны конкретные указания на их недостатки (ЖМНП, ис. 1908. Ч. XVIII. Декабрь. Паг. 3. С. 236 – 239. Подпись: *И. Анненский, И. Холодняк*). Доклад был прочитан в заседании ООУК 15 сентября 1908 г. (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 119. Л. 1243).

О критическом и научном освещении переводческого соперничества Анненского и, по его оценке, «опытного и талантливого версификатора» Мережковского, некоторые из переводов которого, в частности романа Лонга, читаются «очень легко, напоминающая изяществом слога классический перевод Поля-Луи-Курье» (Анненский И. [Рец.] // Ф.О. 1897. Т. XII. Кн. I. С. 39. Рец. на кн.: Дафнис и Хлоя: Древне-греческий роман Лонгуса / Перевод Д. С. Мережковского. СПб.: Изд. М. Ледерле, 1896), см. подробнее: ИФА. II. С. 111 – 113.

² Перевод «Скованного Прометея» Эсхила был впервые опубликован Мережковским в кн. 1 «Вестника Европы» за 1891 г. (С. 5 – 43), перевод «Антигоны» Софокла – в том же журнале (1892. Т. 2. Кн. 4. С. 457 – 510). Следует отметить, что отдельным изданиям других трагедий также предшествовали журнальные публикации: перевод «Эдипа-царя» Софокла увидел свет в «Вестнике иностранной литературы» (1894. Январь. С. 5 – 36; Февраль. С. 13 – 34), «Эдипа в Колоне» – в «Вестнике Европы» (Т. 4. Кн. 7. С. 28 – 89), еврипидовских «Ипполита» и «Медеи» – в «Вестнике Европы» (см. соответственно: 1893. Т. 1. Кн. 1. С. 5 – 54; 1895. Т. 4. Кн. 7. С. 5 – 57).

Многократно переиздавались они и впоследствии. Например, «Ипполит» Еврипида в неизменном виде дважды был выпущен отдельным изданием М. В. Пирожковым (1901, 1904), дважды выходил под маркой Товарищества «Знание» (1902, 1904), был опубликован в составе сборника переводов Мережковского из Эсхила, Софокла и Еврипида, увидевшего свет в 1902 г., включался в полные собрания сочинений Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (СПб., 1912. Т. XIV) и И. Д. Сытиным (М., 1914. Т. XXI).

³ Наиболее внятно и обстоятельно об особенностях перевода древних авторов Анненский, правда, применительно к Гомеру говорил во вступительной части своего неопубликованного отзыва 1897 г. о переведенной Н. М. Минским «Илиаде», автограф которого сохранился в АРАН (см.: ИФА. I. С. 15 – 16). Стоит здесь упомянуть, что эта рецензия все же была введена в литературный оборот еще в 1910-е гг. (см.: *Соболевский С. [Рец.] // ЖМНП*, нс. 1911. Ч. XXXII. Апрель. Пар. 2. С. 360. Рец. на кн.: *Илиада Гомера*. Перевод Н. М. Минского. 2-е изд. СПб., 1909. 358 с.).

Считаю возможным воспроизвести здесь отдельные фрагменты этого разбора Анненского (А. 148 – 149), содержащие положения, важные в методологическом отношении:

"Новый полный перевод Илиады русскими гекзаметрами отделяется от первого, Гнедичевского, промежутком в 70 лет. В эти десятилетия гомеровская литература росла и развивалась не только быстро, но и в самых разнообразных направлениях. <...>

Все это обилие пособий делает труд современного переводчика, с одной стороны, сознательней и интересней, с другой, ответственной и сложней. Г. Минский ничего не говорит нам, к сожалению, о пособиях, какими он пользовался, но мне кажется, что трудно братья теперь за перевод Илиады, не изучив изданий Фэзи-Франке и Амейса и не справляясь постоянно с *Parallel Homer* и библиографией Hentze, а также не сделав настольными своими книгами, кроме гомеровских словарей, сочинения Гельбига о гомеровском эпосе и синонимике Шмидта. Во всяком случае перевод Илиады, выходящий в конце столетия, не должен отличаться от начатого в первые годы века одним слогом. За это время каждая строка поэмы обросла комментариями, и не одна получила совершенно новое освещение, так что серьезному переводчику поневоле приходится брать на себя роль критика и исследователя. Постигать Гомера поэтической интуицией представляется в наши дни неблагоприятную и бесплодную задачу: его надо анатомировать и изучать".

Нужно отметить, что Анненский в соответствии со своими переводоведческими критериями и прежде неоднократно отзывался о переводе «Прометея в узах» Мережковского, негативно оценивававшемся филологами-классиками (см., в частности: Книжки «Недели». 1891. Февраль. С. 175 – 182. Без подписи), весьма критически (см., например: ИФА. III. С. 51, 54). Важно подчеркнуть при этом, что Анненский и сам перевел трагедию Эсхила и, в частности, упомянутую трагедию (о его эсхилловских штудиях см.: *Гитин Владимир*. Из неопубликованного наследия Анненского // *Еггора Orientalis*. [Roma]. 1989. Т. 8. С. 527 – 566; *Аникин*. VII. С. 7 – 10; *Гаспаров М. Л.* Анненский – переводчик Эсхила // *Избранные труды*: В 3-х т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. II. С. 141 – 147. (Язык. Семиотика. Культура)). Характерно, что в своей публичной лекции «Античная трагедия», которая при жизни Анненского трижды появлялась в печати, он оперировал исключительно своими прозаическими («аналитическими», по его определению, «по возможности передающими максимум оттенков мысли, чувства и языка поэта») переводами, разительно отличавшимися от облегченных конструкций Мережковского. Ср., например, заключительные строки трагедии

Эсхила в его переводе (Эсхил. Скванный Прометей: С греческого. Перевод Д. С. Мережковского в стихах. С портретом Эсхила. 3-е изд. СПб.: Издание товарищества «Знание»; Тип. Н. Н. Клобукова, 1907. С. 46 – 47)

ПРОМЕТЕЙ

Исполняется слово Зевеса: земля
 Под мною трепещет.
 Загудело раскатами эхо громов,
 Пламя молний сверкает...
 Закружилась вихрями черная пыль...
 Налетели и сшиблись
 Все противные ветры. Смешались в борьбе
 Волны моря и воздух.
 Узнаю тебя, Зевс! Чтоб меня ужаснуть,
 Ты воздвиг эту бурю.
 О, Земля, моя мать! О, небесный Эфир,
 Свет единый, всеобщий!
 Посмотрите, какие страдания терплю
 Я от бога – невинный!

(Скала с Прометеем обрушивается в бездну).

и Анненского (Античная трагедия // Театр Еврипида: Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: В 3-х т. / С двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида. СПб.: Тип. Книгоиздательского Т-ва «Просвещение», 1906. Т. I. С. 14):

ПРОМЕТЕЙ

Земля начинает колебаться... Да... Это не слова... Это так... До слуха доносится хриплое мычанье грохочущего грома. Зигзаги, сшибаясь, загораются. Вихри крутят пыль. Ветры мешаются в яростной схватке. Эфир сливается с морем. Да, Зевс открыто нападает на меня и разит меня ужасом. О, священная мать, о ты, клубящийся Эфир, ты, солнце, единое для всех. Глядите, от какой неправды я гибну.

(Проваливается).

В связи с этим любопытным и требующим осмысления представляется факт включения в текст «Лекций по античной литературе» Анненского значительного числа фрагментов переложения Мережковского (ср.: Эсхил. Скванный Прометей: С греческого. Перевод Д. С. Мережковского в стихах. С портретом Эсхила. 3-е изд. СПб.: Издание товарищества «Знание»; Тип. Н. Н. Клобукова, 1907. С. 8 – 9, 17 – 18, 40, 44 – 45; Лекции. С. 234 – 236, 241, 249, 253 – 254). Все это дает основание предполагать, что сам Анненский сколько-нибудь активного участия в формировании текста литографированного издания своих «Лекций» не принимал.

Здесь, очевидно, речь идет о следующих фрагмента перевода Мереж-

ковского (Указ. соч. С. 5 – 6):

В Л А С Т Ь

Мы в Скифии, мы на краю земли, –
Достигли мы пустынь непроходимых.

<...>

Г Е Ф Е С Т

Что делать? Рок велит послушным быть:
Беда тому, кто пренебрег веленьем
Всевышнего.

(К Прометею)

О, мудрый сын Фемиды,
Наперекор желанью моему,
Я прикую тебя, связав цепями,
К пустынному граниту этих скал,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь, где, лучами солнца
Сожженное, твое иссохнет тело
И почернеет. Темная ли ночь
Отнимет свет у жаждущего света,
Иль высушит заря росу полей,
Твоя душа томиться будет вечно, –
И не рождался тот, кому дано
Тебя спасти.

Ср. с переводом А. И. Пиотровского, включенным в наиболее авторитетное издание русского Эсхила (Эсхил. Трагедии: В переводе Вячеслава Иванова / Изд. подгот. Н. И. Балашов и др. М.: Наука, 1989. С. 234 – 235. (Литературные памятники)):

В Л А С Т Ь

Вот мы пришли к далеким рубежам земли,
В пространства скифов, в дикую пустую дебрь.

<...>

Г Е Ф Е С Т

Не должен сметь. Необходимость властвует.
С отцовской волей строгой тяжело шутить.

(К Прометею)

Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящей,
На зло тебе, на зло себе железами,
К безлюдному утесу прикую тебя,
Где речи не услышишь и лица людей
Ты не увидишь. Солнца пламень пышущий
Скореежит кожу струпами. И будешь ждать,
Чтоб день закрыла ночь пестроодетая.
И снова солнце раннюю росу сожжет,
И вечно мука будет грызть и боль гладать,
За днями день.

⁴ С проблемой перевода античных писателей Анненским, озабоченным тенденцией устранения древнегреческого и латинского языков из учебного обихода средних учебных заведений, так или иначе увязывались и изучение древних языков в российских гимназиях, и судьбы классического образования в России (цит. по: Журнал Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, [1904]. С. 38 – 39):

"Я не принадлежу к числу тех педагогов, которые полагают, что главное значение древних языков в среднеучебном курсе *утилитарное*, т.е. <о> е<сть>, что им надо обучать, чтобы ученики имели возможность читать произведения классической литературы в подлиннике. По-моему, в виду того, что латинский язык составляет главное отличие среднеучебного курса, признанного наиболее обеспечивающим правильную подготовку к *научному*, университетскому образованию, за ним должно быть сохранено прежде всего формальное значение. В частности, латинский язык как учебный предмет, должен содействовать выработке ценной привычке переносить слова из области *полусознательной* в *сознательную*, а также подготавливать переводами, анализом и конструированием текстов к той особо *тонкой умственной работе*, которая лежит в основе филологического метода.

Кроме того, на изучении латинского языка можно научиться *читать*, т.е. <о> е<сть> претворять в сознание, в часть своего духовного я ценные произведения человеческой мысли. Я думаю, что идеи античного мира могут быть усвоены лишь приближением душе тех народов, которые их воплотили, а душа народа закрыта для того, кто не знает его языка. Но и помимо этого, только серьезное систематическое усвоение языка, развившееся на почве грамматической работы, обеспечивает внимательность, а следовательно и плодотворность усвоения идеи читаемого. Я уже не говорю о том, что сила и обаяние античности неразрывно связаны с той гармонией форм речи и поэзии, которые не могут быть переданы никакими переводами. Значение переводов античных авторов на русский язык сводится не столько к замене их, хотя бы частичной, сколько к *комментарию в духе древнего писателя*. Перевод, по крайней мере, поэтический, полезнее и интереснее для того, кто читал подлинник, так как он часть души переводчика, работая над ним, вдумывался в текст.

Кроме того, перевод субъективен, и потому довольно быстро стареет, даже если он хорош. В частности, становясь *новой книгой* на живом языке, перевод классика соблазняет к беглому чтению, а это обесценивает для учащихся идеи античных произведений".

⁵ Очевидно, перевод перечисленных строк, по мнению Анненского, содержит различного рода неточности и ошибки. Одной из таких ошибок, на которую указывает Анненский, является перевод первого же стиха «Антигонь» (Ὁ ροῦνὸν αὐτῆδέλεφον Ἰορτίφους κἀρα): "...метонимическое обращение к Исмене ("О родная голова моей сестры") Мережковский понял буквально и перевел: "О дай твою объять, Исмена, голову!") (Ярхо В. Н. Ф. Ф. Зелинский – переводчик Софокла // Софокл. Драмы: В переводе Ф. Ф. Зелинского / АН СССР; Издание подгот. М. А. Гаспаров и В. Н. Ярхо. М.: Наука, 1990. С. 518. (Литературные памятники)). Прочитанная статья, кстати, заключает в

себе немало других ценных суждений и констатаций о характере переводов Мережковского из Софокла и их оценке критикой, в том числе и Анненским (см. стр. 517 – 522).

Приведу здесь также в качестве образца его перевода софокловских драм фрагмент (ст. 21 – 33) одного из первых монологов Антигоны из одноименной трагедии (Софокл. Антигона. С греческого. Перевод Д. С. Мережковского в стихах. С портретом Софокла. 3-е изд. СПб.: Издание товарищества «Знание»; Тип. Н. Н. Клобукова, 1906. С. 6):

Не повелел ли царь из наших братьев
 Единого земле предать, лишив
 Всех почестей другого? Этеокл
 Священного обряда удостоен,
 В подземный мир сошел к родным теням.
 А между тем останки Полиника
 Креон велел не предавать земле,
 И, не почтив обрядом, не оплавав,
 Не приютив в могиле, бедный труп
 Покинуть хищным птицам на съеденье.
 Так приказал наш добрый царь тебе –
 И мне, увы!

Ср. с переводом Ф. Ф. Зелинского в редакции Ярхо и Гаспарова (Софокл. Драмы: В переводе Ф. Ф. Зелинского / АН СССР; Издание подгот. М. А. Гаспаров и В. Н. Ярхо. М.: Наука, 1990. С. 125. (Литературные памятники)):

Вот что случилось. Одного лишь брата
 Почтил Креонт, и даже свыше меры;
 Другой последней милости лишен.
 Могиле отдал прах он Этеокла
 По правде праведной и по закону,
 И он велик среди теней в аду.
 А Полиника труп несчастный в поле
 Поруганный лежит; никто не волен
 Его ни перстью, ни слезой почтить;
 Без похорон, без дани плача должно
 Его оставить, чтобы алчным птицам
 Роскошной снедью стала плоть его.
 Так приказал достойный наш Креонт
 Всему народу, и тебе, и мне...
 О да, и мне!

⁶ Анненский не вполне точен, говоря о "первом годе существования «Филологического обозрения»": журнал этот издавался в Москве с 1891 г.

Речь идет о его работе (Анненский И. [Рец.] // ФО. 1893. Т. IV. Кн. 2. С. 183 – 192. Рец. на соч.: «Ипполит», трагедия Еврипида, в переводе Д. Мережковского), в которой рецензируемый труд, по словам В. Н. Ярхо, "подвергся уничтожающей критике" (Ярхо В. Н. Указ. соч. С. 517).

В своем разборе Анненский, негативно оценивший труд Мережковского ("Ипполита" я сравнил построчно с греческим текстом, и перевод этот считаю себя вправе назвать весьма неточным" (Указ. соч. С. 183 – 184)), исходил из представления, что "вольный перевод классического произведения стихами и без комментариев, указывающих если не на самостоятельную работу над текстом, то хоть на то, что разночтения и конъектуры были переводчику известны, – такой вольный перевод есть вещь очень рискованная для автора и очень сомнительная для серьезных читателей" (Указ. соч. С. 184).

⁷ В качестве главных причин того, что "в общем ... впечатлении от текста Еврипид у г. Мережковского выходит безусловно скучным и банальным", Анненский называл "непонимание текста" и "небрежное к нему отношение", приводя в подтверждение многочисленные "примеры неуместного пафоса, стертых местных особенностей, уничтоженной конкретности описания, пренебреженных специально еврипидовских черт, не переданных тонких психологических черт, обесцвеченного языка и смелого модернизирования" (Указ соч. С. 185). См., например, указания на неоправданность особой торжественности речи Кормилицы, неточности в описании колесницы Ипполита, злоупотребление морализаторскими тенденциями и т. д.

Несколько позднее в письме от 4 ноября 1901 г. к редактору отдела классической филологии ЖМНП Анненский сформулировал и свою, пожалуй, основную претензию мировоззренческого плана к рецензируемому переводу: "Я смотрю на эту пьесу, как на вещь глубоко религиозную. Между тем за последнее время, под влиянием готовившейся постановки перевода Мережковского на Александрийскую сцену, в артистическом и отчасти в литературном мире он, кажется, понимается в смысле апологии другой стороны жизни. Как ни мало я рассчитываю на распространение своих работ, но все же не могу отказаться от желания бороться с предрассудками в области, близкой моему сердцу" (АРАН. Ф. 733. Ернштедт В. К. Оп. 2. № 15. Л. 31 об – 32).

В качестве элементов этой борьбы можно рассматривать и его перевод «Ипполита», и статьи «Трагедия Ипполита и Федры» (ЖМНП. 1902. Ч. СССХХХII. Август. Паг. 5. С. 350 – 368; Сборник статей по классической филологии. Год XXX. СПб.: Сенатская тип., 1902. Вып. III. С. 350 – 368. (Извлечено из ЖМНП за 1902 г.) и «Ипполит» (С.- Петербургские ведомости. 1902. № 281. 14 (27) окт. С. 2), в значительной мере полемически заостренные против подобной трактовки трагедии Еврипида. Ср.: *Пайман Аврил*. История русского символизма. М.: Республика, 1998. С. 117.

⁸ Переводы упомянутых трагедий, впервые опубликованные в самом начале XX в. в официальном педагогическом журнале, перепечатанные в извлечении из него и вышедшие затем в виде отдельных оттисков (см.: Ипполит, трагедия *Еврипида* // ЖМНП. 1902. Ч. СССХХХХ. Март. Паг. 5. С. 139 – 167; Апрель. Паг. 5. С. 168 – 196; Ч. СССХХХХI. Май. Паг. 5. С. 197 – 226; Сборник статей по классической филологии. Год XXX. СПб.: Сенатская тип., 1902. Вып. I. С. 139 – 167; Вып. II. С. 168 – 226. (Извлечено из ЖМНП за 1902 г.); Ипполит. Трагедия *Еврипида* / Перевел с греч. стихами и снабдил послесловием «Трагедии Ипполита и Федры» *И. Ф. Анненский*. СПб.: Сенат-

ская тип., 1902. 87 с. (Извлечено из ЖМНП за 1902 г.); Медея, трагедия *Еврипида* // ЖМНП. 1903. Ч. СССХХХХVII. Май. Паг. 5. С. 218 – 240; Июнь. Паг. 5. С. 241 – 269; Ч. СССХХХХVIII. Июль. С. 302 – 316; Сборник статей по классической филологии. Год XXXI. СПб.: Сенатская тип., 1903. Вып. 2. С. 218 – 269; Вып. 3. С. 302 – 316. (Извлечено из ЖМНП за 1903 г.); Медея, трагедия *Еврипида* / Перевел с греч. стихами и снабдил послесловием «Трагическая Медея» И. Ф. Анненский. СПб.: Сенатская тип., 1903. 110 с. (Извлечено из ЖМНП за 1903 г.), были включены Анненским в состав первого тома его «Театра Еврипида» (см.: Театр *Еврипида*: Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: В 3-х т. / С двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснит. указателем и снимком с античного бюста Еврипида. СПб.: Тип. Книгоиздательского Т-ва «Просвещение», 1906. Т. I. С. 141 – 203, 265 – 328).

⁹ На целый ряд неточностей перевода «Медеи», связанных с отсутствием у Мережковского «просто хорошего знания греческого языка» указывал и Холодник (см. прим. 1), который обнаружил в первых шести строках по меньшей мере три ошибки.

Не ставя здесь перед собой задачи сколько-нибудь полного и детального сопоставительного анализа, ограничусь приведением в качестве параллели некоторых строк из пролога «Медеи» в переводе Мережковского (*Эврипид*. Медея. С греческого. Перевод Д. С. Мережковского в стихах. С портретом Еврипида. 2-е изд. СПб.: Издание товарищества «Знание»; Тип. Н. Н. Клабукова, 1904. С. 5):

КОРМИЛИЦА

Тогда моя владычица Медея
 Не припала бы к Иолковым стенам,
 Сраженная безумною любовью;
 Убить отца – несчастных дочерей
 Пелеева она не научила б
 И не была б принуждена с детьми
 Бежать в Коринф, снискав любовь народа
 И страсть свою к Язону сохранив.
 Ведь большего нет блага в этом мире,
 Чем то, когда в согласьи муж с женой.
 Теперь же все разрушено навеки:
 Презрев свою супругу и детей,
 Язон берет себе жену другую, –
 Креона дочь, коринфского царя.
 Медея же подымает громкий вопль,
 Священные напоминая клятвы...

и Анненского (Театр *Еврипида*: Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: В 3-х т. / С двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснит. указателем и снимком с античного бюста Еврипида. СПб.: Тип. Книгоиздательского Т-ва «Просвещение», 1906. Т. I. С. 143 – 144):

КОРМИЛИЦА

К его стенам тогда бы и моя
 Владычица не пришла, Медея,
 Ясона полюбив безумно, – там
 Убить отца она научала б
 Рожденных им и нежных Пеллиад,
 И не пришлось бы ей теперь в Коринфе
 Убежища искать с детьми и мужем.
 Пусть гражданам успела угодить
 Она в изгнании и мужу оставалась
 Покорною женой... (а разве есть
 На свете что милей семьи, где с мужем
 Живет жена согласно?), но удел
 Медеи стал иной. Ее не любят,
 И нежные глубоко страждут узы.
 Детей Ясон и с матерью в обмен
 На новое отдать решился ложе,
 Он на царевне женится – увы!
 Оскорблена Медея, и своих
 Остановить она не хочет воплей.
 Она кричит о клятвах...

¹⁰ Ср, например, перевод монолога Афродиты, выполненный Мережковским (*Эврипид. Ипполит. С греческого. Перевод Д. С. Мережковского* в стихах. С портретом Эврипида. 2-е изд. СПб.: Издание товарищества «Знание»; Тип. Н. Н. Клобукова, 1904. С. 5 – 6):

Там на скале Паллады,
 Где с высоты трезенские поля
 Виднеются, она мне храм воздвигла.
 И слух пройдет до будущих веков,
 Что Федрою во славу Ипполита
 Основан храм.

<...>

Я слышу: гимн во славу Артемиды
 Они поют. Не знает сын царя,
 Что перед ним отверсты двери гроба,
 Что видит солнце он в последний раз.

и Анненским (Театр *Эврипида*. С. 268 – 269):

Влюбленная, она скалу Паллады
 С той стороны, что смотрит на Трезен,
 Святилищем украсила Киприды,
 И храм ее тоскующей любви
 Так и просьбы "святыней Ипполита".

<...>

Как ярко гимн их Девственной звучит,
 Богине их отраден Артемиде:

Не чует он, что Адовы врата
Уж для него открыты... и что солнца
Последнего он пьет теперь лучи...

Нельзя сказать при этом, что Анненский относился с пиететом к своему собственному переводу ("Вообще перевод «Ипполита» меня мало удовлетворяет" (АРАН. Ф. 733. Оп. 2. № 15. Л. 38 об)), признаваясь в письме к В. К. Эрнштедту от 2 мая 1902 г.: "...внимательно вчитавшись в текст «Ипполита» – уж не знаю в который раз – я заметил несколько мест которые вышли у меня грубее, чем у "Великого мистификатора" (Там же).